

Ответы А. И. Брежнева

на вопросы французской газеты «Монд»

(окончание. Начало на 1-й стр.)

называемой «холодной войны» и острой конфронтации.

Тем не менее мы никогда не считали, что все уже сделано и можно спокойно поинтить плоды разрядки. Мы находимся лишь в начале перестройки международных отношений, которую нам предстоит осуществить всем вместе. Я говорю «всем вместе», потому, что разрядка должна быть универсальной и повсеместной. Ведь в наше время, когда так бурно развивается техника, в том числе военная, когда все теснее становятся взаимосвязи между различными районами мира, любой локальный конфликт легко может перерастти во всесобщий.

Вы говорите о гонке вооружений. К сожалению, она продолжается и даже нарастает. Последние рекомендации НАТО, направленные на увеличение военных расходов членов этой организации, беспардонно разбухающий военный бюджет США, постоянные усилия этой страны по созданию все новых и новых видов оружия — все это говорит о том, что готовится почва для нового витка гонки вооружений. Мы глубоко убеждены, что задача ограничения вооружений является главной для сохранения мира и дальнейшего развития разрядки. Если эту дьявольскую гонку не прекратить, тогда мы все вновь окажемся на грани непредвиденного, как годы «холодной войны».

Вот почему наша страна так настойчиво и уверенно добивается принятия реальных мер, направленных на прекращение гонки вооружений в комичном счете — на разоружение. Ни одна страна в мире не пропала в этом плане столько различных инициатив, не выдвинула столько предложений, сколько Советский Союз. С полной ответственностью заявляю, что мы готовы поддержать любые предложения, действительно ведущие к прекращению гонки вооружений. Но мы решительно отказываемся поддерживать предложения, которые содержат только слова о сокращении вооружений, а по существу представляют собой не что иное, как попытки нарушить равновесие сил, получить односторонние военные преимущества и тем самым поставить под угрозу безопасность других стран.

Мы реалисты и, конечно, ясно представляем трудность решения этих проблем. Однако именно как реалисты мы уверены, что сейчас в мире существуют весомые предпосылки для того, чтобы принять разрядку, устойчивый, необратимый характер, чтобы содействовать усилиям государства на обеспеченном радикального перелома в деле разоружения.

Многое в этом деле, конечно, зависит от общественного мнения. Мы знаем, что во всех странах, в том числе во Франции, широкие общественные круги признают близко к сердцу задачу разоружения. Они давно и настойчиво выступают за то, чтобы декларации в пользу разоружения подкреплялись практическими делами, чтобы первым в деле разоружения стала реальность мировой политики. Мы в Советском Союзе с большим уважением относимся и голосуем этих кругов. Он фактически выражает в себе члены народов планеты и должен быть слышен повсюду.

Вы упоминаете Африку. Причем упоминаете так будто разворачивающиеся там «бурные движения» вредят разоружению, породили нестабильность в международных отношениях. Но ведь дело, обстоит совсем не так.

Народы африканского континента активно борются за свою свободу и независимость, за право самостоятельно избирать путь развития. Они борются против по-

зорных явлений — расизма и апартеида. Это — справедливая борьба, и такую борьбу наша страна всегда поддерживала и будет поддерживать.

Нестабильность в Африке породилась другим. Она вызывается внешними силами, которые пытаются помешать африканским народам избрать такой путь, который они считают наиболее подходящим для себя. Эти силы пытаются стalinизировать один африканские государства с другими, они раздвигают и прощивают розы, провоцируют споры по проблемам, доставшимся африканским народам в наследство от колониальных времен. Именно такая политика вступает в противоречие с требованиями разрядки, с принципами мирного сосуществования, может привести к возникновению новых очагов международной напряженности. Вот в чем мы видим причину нестабильности положения в Африке.

Советский Союз решительно против вмешательства во внутренние дела африканских стран. Мы не имеем ни единой в Африке выгод и привилегий. Наша политика на этом континенте направлена на то, чтобы строить мирные, дружественные отношения со всеми народами, помогать им успешно идти по избранным ими путям независимости и прогресса.

Вопрос: На Западе все больше и больше распространяется мнение, согласно которому выход из экономического и морального кризиса, который переносят наши общества, заключается в слиянии в составе мирного сосуществования в военном и политическом планах, сотрудничества в экономическом плане и антигегионизме. Доля ли это Вашему мнению?

Ответ: Наша позиция в блаженственных делах проинкута заботой о том, чтобы погашен опасный очаг напряженности, была восстановлена, что из дальнейшего развития полностью отменяет коренным интересам народов ССРС и Франции.

Вопрос: Как Вы представите себе эволюцию общества на Ближнем Востоке?

Допускаете ли Вы, что Израиль согласится с идеей палестинского государства?

Ответ: Наша позиция в блаженственных делах проинкута заботой о том, чтобы погашен опасный очаг напряженности, была восстановлена, что из дальнейшего развития полностью отменяет коренным интересам народов ССРС и Франции.

Вопрос: Обе части Европы находятся в настойчивое время в состоянии мирного сосуществования в военном и политическом планах, сотрудничества в экономическом плане и антигегионизме. Доля ли это Вашему мнению?

Ответ: Действительно, в последние годы в Европе достигнут существенный прогресс в развитии равноправного, взаимоуважительного сотрудничества на принципах мирного сосуществования.

Сделаны хорошие шаги вперед по пути превращения Европы в континент прочного мира и безопасности. И эта цель, на наш взгляд, достижима. Однако и тогда, как мы убеждены, идеологическая борьба, т. е. борьба идеи, не прекратится. И в этом нет никакого противоречия.

Задача мирного урегулирования на Ближнем Востоке?

Представлена Союзом писателей Таджикистана, редактором Галимовым А. С., Леви М. Н., Симонян Н. И., Федоров Е. В., Целиарин С. С. — архитекторы, Смородин Г. И. — инженер-конструктор, Корейши Ю. А. — инженер, Трепалов В. П. — инженер-строитель, Останин П. И., Суриков В. А. — строители. Академия города Шенгенко.

Представлена Союзом писателей Киргизии.

ОНА СУЩЕСТВУЕТ, ЭТА СПЕЦИФИКА

Подумать только, что была пора, когда именно о языке, о спецификах кино говорили на всех языках. Ибо кино было тогда безгласным, звонко беззычным. И вот тогда встал вопрос о языке кино. И он родился, как положено, в мухах и счастье, поднял кино, еще немое.

Незадолго напомнило, что в области не то что обогащения, а попросту становления киноязыка советский опыт двадцатых годов был решен в истории мирового кино.

Советское кино создало свой язык, передавший величие Революции, величие Страны Советов.

Ежелазист говорил о времени счастья и времени жить. Что греха тантя, сезоны были двадцатые годы, тридцатые во многом — житей. Но не стражи кинопов, совсем наоборот.

Была мука поискинства двух выводов. Первый: творческое кинокоммунистическое оставалось за семьи печатями для тех, на кого работали. И второй: в самом этом искусстве то, что называлось вечнозеленым, вдруг стало винуть. Не устраивать, скатываться и, называться бы, убитому эстетству.

Переход от «Октября», «Простого случая», «Нового Вавилона» и «Встречному» и «Окране» совершился не подальше лет через пятьдесят.

Пятьдесят лет прошло. И я позволяю себе говорить о языке.

А нужен ли он, этот язык? Основное: выбор предмета изображения, передача его в наиболее приемлемой для зрителя форме.

Но приемлема ли эта форма для предмета, который она передает? А что если суть передачи предмета в том, что передает лучше всего предмет выражают: лучше всего, а не только приемлемо? Вот ведь история, рассказанная Чеховым, рассказывалась и Бородыниным, Фабуля «Чайки» вполне по силам. Потапенко, да он с ней и связан. Но Чехов увидел другое в предмете, нашел язык, именно это другое выражаяющий, сумел сделать его приемлемым. Не сразу! Понадобилось МХАТ!

Мне было очень радостно смотреть фильм «Примирение». Вероятно, и неправ, но прекрасные спектакли Товстоногова или Ефремова, на мой

взгляд, не лучше, даже чуть хуже, чем картина.

И вот странность: постановка в БДТ несколько кинематографичнее, чем на «Ленфильме». Монтаж, крупные планы, шумы...

Автор фильма «Шестое чувство», в котором немало различных инноваций, Юлий Карасин поставил «Сталеваров». Тут уж налицо вся арматура кино: прозеи, цели, монты, гигантские печи.

Гельман, Михаил из этого отказался. Это принципиально.

Леонид ТРАУБЕРГ

и я. Бронкой и я Таганке. Но были и в начале века не очень плохие театры — тот же МХАТ, Шаллакин.

Подумать только, в нашей стране, наш гений писал о языке кино и в дни лютой войны думал о том же, со звал «Неравнодушную природу»!

Можем ли мы быть равнодушными к тому, что уходят из нашего искусства вещи, добьтые полувеком испанской, мук и разочарований и не слыханных достижений?

Будто раньше были сплошь хорошие фильмы, а сейчас сплошь плохие. Чушь это! В картинах 20-х годов далеко не всегда представляли люди. Просчеты были, разумеется, и в фильмах тридцатых годов.

Фильмы, достойных признания, сейчас попросту много.

Недавно мне довелось вновь посмотреть «А зори здесь тихие...» и «Здравствуй природе!»

Можем ли мы быть равнодушными к тому, что уходит из нашего искусства, ведь ничего не напишешь: прекрасно!

И так же, как у всех, различно было у меня сердце. Но правда и в том, что многое стало на экране заседать. Ничего не напишешь, примета быта. Но в 1929 году заседали не меньше, чем в «Земле» ни одного заседания. Не помню, имеют ли они в «Комсомольске» Кандинского.

Но в том же докладе слова о качестве, о высоком качестве, а о высоком качестве было ведь не только поощрение, но и привязь к прекрасному (не просто хоромы) качеству, а значит, и к языку.

Мени спросят: «А что это, собственно, такое, язык кино?» Вероятно, надо ответить словами Чехова. Он писал ясно: «Ты спрашиваешь, что такое жизнь? Это все разные, что спросить: что такое морковка? Морковка есть морковка, и больше о ней ничего неизвестно».

Что ни пьеса — то фильм, что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм, что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

Порой так кажется, что браты Люзеры совершили роковую ошибку. Зачем было изобретать кинематограф, этот полуступок на пути к великому телевизору? Конечно, не было в то время театров

и проглощенным им кинолюбиком.

Что ни пьеса — то фильм,

что ни фильм — то пьеса, и в завершении всего телевизор.

Признаюсь, что надпись я просто не могу иногда отнести к фильму, что спектакль, а что фильм-спектакль.

